

З. Налковской, особенно в ее «женских» драмах и в романе «Граница» (1935). Налковская заимствовала у замечательного русского писателя не только некоторые психологические мотивы, но также метод конструирования романа (о том, что она действительно училась у него технике построения сюжета, свидетельствуют ее высказывания в опубликованном недавно дневнике писательницы).

Несомненно из литературной традиции Достоевского вырос напумевший в свое время роман Е. Анджеевского «Лад сердца» (1938), характеризующийся пафосом переживаний главного героя, борьбой в его душе добрых и злых начал. Следовал Достоевскому также Я. Ивашкевич в своих тщательных анализах индивидуальных черт человека и в особой структуре повествования, характерные особенности которой связаны с полифонизмом русского романиста. Еще более заметно влияние автора «Братьев Карамазовых» в романе М. Хороманьского «Ревность и медицина» (1933). Изображенная здесь гипертрофия ревности восходит к аналогичным переживаниям Дмитрия Карамазова. Драма того же Хороманьского «Человек дела» (довольно слабая) перекликалась в построении образа главного героя с «Преступлением и наказанием».

Среди польских драматургов этого периода критика констатировала зависимость от романа «Преступление и наказание» у К. Растворовского в драме «Неожиданность» (1929). Подражали романам Достоевского и другие польские драматурги, например С. И. Виткевич. Из прозаиков влияние русского писателя испытали Ю. Баудровский (в романе «Незгула»), А. Рудницкий (в романе «Крысы»), З. Униловский (в книге очерков, озаглавленной «Рожь в джунглях») и другие.

В заключение следует сказать, что если среди польских массовых читателей межвоенного периода самым популярным из русских авторов был Л. Толстой, то польские писатели наибольший интерес проявили к Достоевскому. Многие современные молодые польские писатели также увлекаются Достоевским, высказываются о нем с восхищением и подвергаются его творческому воздействию. Недавно один из них, З. Жакевич, писал об этом так: «Достоевский, тяжелую руку которого чувствовали на себе многие писатели <...> и ныне стоит перед нами, требуя дальнейшей дани. Очарование им в нашу эпоху столь же сильно...»² Этот феномен, продолжающийся уже почти сто лет, указывает, конечно, на непреходящее мировое значение творчества великого русского писателя.³

² Zakiewicz Z. Ludzie i krajobrazy. Gdańsk, 1970, s. 11.

³ Об отношении польских писателей к Достоевскому см.: Sielicki F. Dostojewski w kręgu pisarzy polskich na przełomie XIX i XX wieku. — Przegląd Humanistyczny, 1971, № 5, s. 78—102; 2) Dostojewski w kręgu pisarzy polski międzywojennej. — Slavia Orientalis, 1972, № 3, s. 305—322.

ДОСТОЕВСКИЙ В СЛОВАКИИ

(Основные проблемы восприятия Достоевского словацкой литературой)

По вопросу о значении Достоевского для словацкой культуры высказывались противоположные мнения. Акад. А. Мраз утверждал, что в Словакии существовал «культ художественного творчества Достоевского», который особенно усилился «после 1918 года и своей вершины достиг во время так называемого Словацкого государства».¹ Позднее Я. Штевчек писал, что «творчество и личность Ф. М. Достоевского прошли пока что мимо словацкой культуры и не воздействовали на нее в полном объеме своей присутственной силой».²

Тема «Достоевский в Словакии» находится в начальном периоде изучения, для которого характерен оптимизм А. Мраза. Пессимизм же Я. Штевчека исходит из представлений о возможностях, заключенных в творчестве и личности Достоевского, но пока что не использованных в полной мере словацкой культурой. А. Мраз смотрит на творчество Достоевского только как на факт литературы, Я. Штевчек — как на более общий феномен культуры.

В нашей статье мы попытаемся проследить воздействие Достоевского на творчество словацких писателей, имея также в виду его влияние на всю духовную жизнь словацкого народа.

Словацкая литература прошлого развивалась в русле идей всеславянского единства (Я. Коллар, Л. Штур), панславизма, славянофильства и русофильства (С. Г. Ваянский, И. Шкульети и др.). Из произведений русских писателей словацкая литература черпала в первую очередь идеи и образы, соответствующие представлению словаков об огромной роли России в славянском мире.³ Достоевский своими образами трагических искателей и раздвоенных личностей не гармонировал с идейными настроениями словаков, возникшими в условиях национального и социального угнетения иноземными силами. Дверь Достоевскому в Словакию открыл XX век — век всевозможных противоречий и конфликтов также и в словацкой среде.

В столетнем «приближении» к Достоевскому и «отталкивании» от него есть своя логика: Достоевский всегда привлекал внимание самой сердцевинной своего творчества — своеобразием отношения к дей-

¹ Mraz A. Zo slovenskej literárnej minulosti. Bratislava, 1953, s. 251.

² Stevček J. Dostojevskij mimo nás? — Slovenské pohľady, 1971, č. 11, s. 3.

³ См.: Panovová E. 1) Puškin v slovenskej poézii do roku 1918. Bratislava, 1966, s. 257; 2) Slovenské literárne polemiky — Československá rusistika, 1969, č. 4, s. 162—167; Durišín D. Slovenská realistická poviedka a N. V. Gogol. Bratislava, 1966, s. 240; Červeňák A. Vajanský a Turgenev. Bratislava, 1968, s. 193; см. также: Z ohlasov L. N. Tolstého na Slovensku. Bratislava, 1960, s. 342.

ствительности, концепцией человека, которая определила все особенности его произведений. Сквозь призму человека воспринимаются в Словакии все проблемы творчества Достоевского — социологические, философские, этические, эстетические, художественные.

В первый период «приближения» словацких писателей к Достоевскому (до 1918 г.) в центре их внимания находился аспект социально-идеологический,⁴ господствовавший и во всей словацкой литературе. Вааянского⁵ привлекает в Достоевском его способность трансформировать жизненный материал «творческой фантазией», просвечивать его «светом безжалостной правды», проникая в социально-идеологическую и политическую сущность мира и человека, в результате чего его произведения похожи «на великую исповедь».

М. Кукучина Достоевский привлекал на протяжении всей его жизни.⁶ Современник Кукучина критик Ш. Крчмери пишет, что Достоевский повлиял на писателя в особенности своей этической философией.⁷ В повелле «Непробужденный» Кукучин создал героя с ущербной психологией, напоминающей психологию социальных жертв у Достоевского (Голядкин, Прохарчин).⁸ Подобно русскому писателю, его интересуют не столько непосредственные социальные корни психологии героя, сколько ее этическое содержание, которое раскрывается в отношении к окружающей среде. Кукучин создает своего героя под воздействием психологического метода Достоевского и ведет его к философии всечеловеческого братства, близкой по этическому содержанию философии гоголевской «Шинели».

Характерно признание писательницы Тимравы, написавшей, что она «заболела от Достоевского».⁹ Критик М. Томчик находит, что писательница училась у Достоевского «формулировать эти-

⁴ Первую информацию о Достоевском в Словакию принес журнал «Ород Татрански» 5 ноября 1847 г.: «В России очень понравился роман „Бедные люди“ петербургского писателя Ф. М. Достоевского. Русская критика сравнивает его с „Вергером“ Гёте и предсказывает ему большую славу, чем Гоголю, выдающемуся автору повестей». Потом о Достоевском 34 года молчали. Первым его произведением, напечатанным в Словакии, был его ответ московским студентам от 18 апреля 1878 г. на их письмо по поводу расправы мясников и торговцев Охотного ряда с учащейся молодежью (Словенске погляды, 1881, № 3, с. 277).

⁵ См.: V a j a n s k ý S. H. Slate o slovenskej literatúre. Bratislava, 1956, s. 519, 183, 233. — Вааянский сначала увлекался Тургеневым, позже Толстым (см.: С e r v e j á k A. Svetozar Hurban Vajanský a Lev N. Tolstoj. — Slavica slovenska, 1967, № 2, s. 113—124) и лишь под конец жизни Достоевским (см.: Ч e р в e ц я к А. Вааянский и Достоевский. — В кн.: Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения. М., 1969, с. 217—228).

⁶ 4 февраля 1887 г. он говорил об этом в пражском объединении «Детван» в докладе о романе Достоевского «Идиот».

⁷ См.: M a r t i n K u k u č i n v k r i t i k e a s p o m i e n k a c h. Bratislava, 1957, s. 56.

⁸ О зависимости «Непробужденного» от творчества Достоевского см.: G a l a j d a E. P o v e s t' M. K u k u č i n a z h' a d i s k a m a r x i s t i c k e j k o m p a r a t i s t i k y. — In: Medziliterárne vzťahy. Bratislava, 1968, s. 55.

⁹ T i m r a v a v k r i t i k e a s p o m i e n k a c h. Bratislava, 1957, s. 56.

ческую проблематику» социальной реальности.¹⁰ О. Чепан утверждает, что под воздействием Достоевского Тимрава увидела «в человеке человека».¹¹ Акад. А. Матушка обнаружил воздействие Достоевского в повелле Тимравы «Без гордости».¹² Русский романист помог словацкой писательнице раскрыть пагубное влияние на личность человека безликих, враждебных социальных сил.

Писатель Надаши-Йеге, будучи еще студентом и членом пражского объединения «Детван», сожалел о том, что «между нами нет Достоевского», который так выразительно изобразил кошмары «Мертвого дома», пет писателя, подобного Достоевскому, который мог бы показать страшные бедствия оравского (словацкого) народа. Достоевский привлекает его своей способностью раскрывать человеческое страдание как результат социального и общественного зла.¹³

Итак, Вааянский воспринимает мир Достоевского с точки зрения идеологическо-политической, Кукучин — философско-этической, Тимрава — этическо-психологической, Надаши-Йеге — социально-правственной. Из многослойной структуры реальности и человека у Достоевского они воспринимают слой социального детерминизма, модифицированный различными идейно-этическими акцентами. Человек у этих писателей определяет свое отношение к действительности как рациональное на базе своих конкретно-исторических и социальных возможностей и способностей. Конфликт человека со средой — это конфликт реально существующих сил, который писатели видят с разных точек зрения.

Словацкая литература периода до 1918 г. сближается с образами Достоевского в двух направлениях: 1) устанавливая связи с его героями типа Макара Девушкина, Прохарчина, Мармеладова, Снегирева как непосредственной формой реализации социально-гуманистической программы писателя; 2) сопереживанием с тем слоем многослойной структуры действительности и человека у Достоевского (мопология многослойности), который ближе всего социально и гуманистически находится к данной программе.¹⁴

Иную ситуацию находим в восприятии Достоевского в Словакии в период «между двумя войнами» (1918—1939). Первая мировая война, распад Австро-Венгрии потрясли сознание словаков. Части словацких писателей этого времени кажется, что человеческий разум не способен понять всей превратности событий эпохи, загадочное поведение человека в ней. Они приходят

¹⁰ Ibid., s. 546.

¹¹ Ibid., s. 813.

¹² Ibid., s. 546.

¹³ N á d a š i - J é g e v k r i t i k e a s p o m i e n k a c h. Bratislava, 1959.

¹⁴ Отражение в творчестве Достоевского русской и европейской социальной действительности широко раскрыто в работах советских ученых, в частности в комментариях к академическому Полному собранию сочинений писателя.

к заключению, что существующие объяснения человека и общества недостаточны, причинные мотивации не всегда способны раскрыть их иррациональную сущность. Словацкая литература в лице части своих представителей начинает ощущать свой прежний регионализм, свою службу национальному делу и натуралистический, эмпирический детерминизм «среды» как некие анахронизмы, которые нужно преодолеть. Начинается период экспериментирования и поисков выхода «в подражании чужим литературным направлениям».¹⁵ На фоне интереса к чужим направлениям — немецкому экспрессионизму, ницшеанству, европейскому модернизму, экспериментаторству советской литературы 1920-х годов — иначе начинает восприниматься в Словакии и творчество Достоевского.

Анализируя творчество словацких писателей периода «между двумя войнами», словацкие критики часто проводят аналогии с творчеством Достоевского. Грач Й. Ц. Гронского наделен «демоническими чертами, какие мы видим у некоторых героев романов Достоевского, — читаем мы, например, в одном из исследований. — Он напоминает нам мелкого и дерзкого черта, искушающего Ивана Карамазова».¹⁶ Маленький герой Миклушко из того же романа Гронского неспособен понять смерть своего отца, как неспособен понять и принять смерть своего сына Снегирев.¹⁷

«Последователем Достоевского» в словацкой литературе является М. Урбан. Обоих писателей сближает «мастерство катарсиса», интенсивное «чувство освобождения», которое овладевает читателями их произведений. В новелле «Правда» Урбан раскрывает внутренний мир преступника и его душевные муки, «достигая высот искусства Достоевского».¹⁸ В своих воспоминаниях Урбан рассказывает, что под воздействием рассказов и сцен из городского быта Достоевского он хотел создать свой цикл рассказов из деревенской жизни, но попытка эта не удалась.¹⁹ В новелле «За мельницей в верхнем конце села» писатель описывает душевные муки убийцы, которые напоминают нам страдания Родиона Раскольникова. Эротические вспышки старика Духая вызывают в памяти эротизм князя Валковского, старика Карамазова и других. Человек Урбана — сложная структура: его чувства амбивалентны, поступки часто немотивированны, поведение иной раз иррационально.

Писатель Д. Хробак писал о Достоевском: «... Я полюбил Достоевского потому, что он выбирает в герои людей падших, с беспокойной и загадочной совестью».²⁰ Писатель ночами читает

произведения Достоевского, потому что, как считает Д. Хробак, пессимизм героев русского романиста созвучен с его характером.²¹ В героях Достоевского Хробак пытается отыскать ключ к понятию загадочности человека, его подсознательной ипферальности. Фр. Шваптер вспоминает, что Достоевским он увлекался, будучи еще двенадцатилетним гимназистом.²²

«Духовную родословную» писателя Барча-Ивана словацкая критика ведет от Кьеркегора, но отмечает и воздействие на него мотивов Достоевского и Ибсена.²³ Сравниваются темы преступления и наказания у Достоевского и Барча-Ивана, идеи его «Незнакомое» с идеями «Великого инквизитора», образ героя «Возврата» с Голядкиным. Оба писателя воспринимаются как аналитики человеческого сознания, но особенно подсознания, в котором господствуют иррациональные силы и неконтролируемые разрушительные страсти.

Словацкие писатели «межвоенного периода» воспринимают мир и человека Достоевского как мир и человека, для которых социальная реальность существует лишь опосредованно — в подсознании, вместе с иррациональными элементами, обусловленными последственностью и неосознанными впечатлениями детства. Творчество Достоевского с его глубоким психологизмом трансформируется в духе модного фрейдизма, который в 1920—1930-е годы значительно повлиял и на словацкую литературу: структура человеческой личности, по распространенному в этот период представлению, состоит из первичного подсознания и вторичного сознания, которое должно подчиниться первому, если не хочет вступить с ним в конфликт (невроз и психические травмы). Любопытные черты сходства и различия между психологическим анализом Достоевского и словацких авторов 1920-х годов можно было бы продемонстрировать, сопоставив «Записки из подполья» Достоевского с новеллой Яна Грушовского «Мужчина с протезом».

Общий знаменатель интереса словацких писателей — «экспериментаторов» и модернистов «межвоенного периода» — к Достоевскому — стремление проникнуть к таким слоям жизни и человеческой личности, где доминируют биологическая энергия, инстинкт и ощущения. Человек является для них всего лишь частью животного мира и сил природы. Он мечтает о том, что, может быть, в этой сфере снова найдет себя, обретет свою целостность, которая распалась от соприкосновения с враждебной социальной реальностью.

Словацкие писатели этого периода сближаются с Достоевским в двух направлениях: 1) устанавливая связи с такими героями Достоевского, как Голядкин, Валковский, Свидригайлов, Пого-

¹⁵ Mráz A. Zo slovenskej literárnej minulosti, s. 6.

¹⁶ Stevček J. Lyrická próza, Bratislava, 1973, s. 124.

¹⁷ См.: Stevček J. Lyrická tvár slovenskej prózy, Bratislava, 1969, s. 102.

¹⁸ Stevček J. Lyrická tvár slovenskej prózy, s. 102.

¹⁹ См.: Stevček J. Lyrická próza, s. 278.

²⁰ Chrobák D. Cesta za umením, Bratislava, 1957, s. 289.

²¹ Ibid., s. 297.

²² См.: Literárny archív 1969, Matica slovenská, 1970, s. 343.

²³ См.: Vanovič J. Východiská k Juliusovi Barčovi-Ivanovi. — Slovenské pohľady, 1968, č. 12, s. 21.

жизни, Федор Карамазов, воспринятыми в качестве выразителей инстинктивности, биологичности и подсознания; 2) используя те черты художественного лика человека Достоевского, которые представлялись им выражением иррациональных и загадочных сил. Такие категории, как человеческий каприз (А. Жид во Франции), «свободная воля», подсознание, индетерминизм и пр., являются характерными средствами типизации героев в словацкой модернистской прозе данного периода.

Третий период восприятия словацкими писателями творчества Достоевского — послевоенный — не отличается такой «программной» целенаправленностью и узостью, как два предыдущих. В 1946 г. выходит первая переводная монография о Достоевском на словацком языке, которая завершает краткий период восприятия Достоевского как религиозно-догматического писателя.²⁴ В 1950-е годы учеба у Достоевского и полемика с ним происходят не на поверхности, но скорее в недрах деятельности словацких писателей. Здесь следует назвать имена Йоганидеса, Слободы, Ярша и др. Критика не случайно писала, что Йоганидес находится под прямым воздействием экзистенциалистов. Внепие свою новеллу «Нет» Йоганидес построил на восходящей к Сартру теме «смерти бога» и обретения человеком свободы. Но на деле он скорее варьирует карамазовско-смердяковскую философию, причем французские экзистенциалисты выступают посредниками между Достоевским и Йоганидесом. Герой словацкой литературы такого типа связан с миром и человеком Достоевского настолько, поскольку в них выражены трансцендентальные духовно-космические устремления автора, его искания золотого века, рая на земле. Конечно, это касается лишь типологического сходства, а не интенсивности художественного воплощения.

Первую робкую попытку установления связей с несколькими (а не с одним) слоями человека Достоевского находим у В. Минача. Встреча писателя с русским гением произвела на него потрясающее впечатление: «Я лежал два дня и две ночи, — вспоминает писатель, — с „Карамазовыми“ без еды и сна...»²⁵ В своих романах Минач стремится усложнить мотивировку человеческого поведения, поднять социальную проблематику на уровень общепhilosophической, увидеть человека на уровне «индивид—личность—творец».²⁶

Именно такую модель человека, предвосхищая научные и художественные открытия XX в., создал Достоевский. Он избежал односторонних трактовок «тайны человека». В его синтетическом понимании реальности и человека сосуществуют «воспроизведенное насущного» и «подспудное, невысказанное слово», человеческое и звериное в человеке. Все эти константы человеческой

²⁴ См.: Losskij N. Dostojevskij a jeho kresťanský svetonáhl'ad. Bratislava, 1946.

²⁵ Sborník Povedali... Bratislava, 1968, s. 198.

²⁶ См.: Анапьев А. Человек как предмет познания. Л., 1968.

структуры Достоевский подверг аналитическому конкретно-историческому художественному исследованию, проникая в самую их сердцевину, как это делает и современная наука о человеке.²⁷

Можно сказать, что словацкая литература долго и постепенно осваивала опыт человековедения Достоевского. Человек Достоевского — жертва социальной реальности в условиях самодержавия, в условиях распада человека и общества на их «первоначальные элементы». Из этого ада он пытается вырваться в область природно-биологической имманенции и в область духовно-космической трансценденции. Словацкие писатели на различных этапах развития словацкой литературы подчеркивали один из аспектов триединой реальности героев Достоевского, вбирая его опыт в свои поиски такой модели человека, которая была бы наиболее созвучна словацкой исторической и социальной действительности.²⁸

Диалектическое единство различных объектов реальности — природы, общества, мышления человека — транспонированных в отдельные слои человеческой структуры, словацкая литература разбедняет и делает предметом анализа в разные периоды. Интерес словацких писателей к социальным жертвам романов Достоевского повлек за собой интерес к их социальной типизации, детерминизму, к проблеме обусловленности искусства (его этики, стиля, композиции и пр.) историко-социальной реальностью. Интерес к природно-биологическим аспектам и ценностям в творчестве Достоевского вызвал интерес к соответствующим элементам его содержания и поэтики (вихревая композиция, иррационализм, натурфилософия и т. д.). Вслед за искателями вечной правды пришел интерес к проблемам философии, диалектики, метафизики. Тщательное рассмотрение всех этих проблем — задача дальнейших исследований.

Р. ПАРОЛЕК

ВИЛЕМ МРШТИК — ПЕРЕВОДЧИК ДОСТОЕВСКОГО

Первое чешское издание «Униженных и оскорбленных» Достоевского («Poníženi a uraženi», Praha, 1888) связано с именем Вилема Мршттика (Vilém Mrštík, 1863—1912), одного из видных

²⁷ «Личность может рассматриваться как интегральная целостность биогенных, психогенных и социальных элементов. Рассматривая каждый из этих элементов по отдельности, можно говорить о биологической, психологической и социальной структуре личности» (Ануфриев Е. А. Социальная роль и активность личности. М., 1971, с. 28—29).

²⁸ Показателен и такой факт: из 16 авторов, высказавшихся на страницах журнала «Словенские погляды» о Достоевском по случаю 150-летия со дня его рождения, 14 касаются проблематики человека как принципиального вклада Достоевского в мировое художественное человековедение.